

16 МАЯ 1970

КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

И СТРОИТЬ, И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ

В гостях у «Волжского комсомольца» лауреат международного конкурса политической песни в Сочи Владимир ГАВРИЛОВ.

же, незатейливые слова «Ковылушки», неторопливый строй ее мелодии будили неведомое мне доселе сознание собственной силы. Значит песня эта была политической!

Корреспондент. Беседа наша коснулась сложного вопроса — какую песню следует считать политической?

В. Гаврилов. До 1969 года международный фестиваль в Сочи не был «специализированным». Молодые исполнители включали в свой репертуар любые эстрадные песни. Начиная же с прошлого года, сочинский смотр стал ареной, где меряются мощью, страстностью песни-борцы, песни-плакаты. Там не раз вспыхивали дискуссии по вопросу, который вы мне только что предложили.

Корреспондент. И пришли к единому мнению?

В. Гаврилов. Куда там. Дым обычно стоял коромыслом, все говорили разное, затем кто-то, чувствуя недейственность устных аргументов, брал в руки гитару и начинал петь. Импровизированный концерт-спор длился до рассвета. Потом гремел над баррикадами, поднимал в атаку повстанцев, побеждая их страх. То был «Боевой гимн Рейнской армии», известный ныне как «Марсельеза». Этот исторический факт ясно иллюстрирует изложенную выше мысль — не всякая песня, в которой употреблено много

громких, призывных слов, ведет за собой, становится комиссаром среди людей.

Этот разговор происходил в уютном номере гостиницы «Волга». Владимир встал, подошел к портативному магнитофону и включил его. Послышался голос Марна Бернеса:

«А может она начинается
С той песни,
что пела нам мать,
С того, что в любых
испытаниях
у нас никому
не отнять...»

Когда замерли последние аккорды, Гаврилов твердо произнес:

Вот это, если хотите, и есть политическая песня. Хотя в ней нет привычного маршеобразного ритма, хотя нет бьющего через край пафоса.

Политическая песня — емкое понятие. Она всегда должна быть с человеческим и на острие атаки, и в долгожданное затишье, когда вспоминается родной дом. Песня должна найти верный тон для каждой минуты. Зачем говорить гром-

ко, выпендрено, если человека тянет на задушевное оглоушение? Баллада «С чего начинается Родина» как раз хороша для такого вот настроения. Внешне человек как будто спокоен, а внутренне весь напрягся, ищет ответ на один из очень существенных, глобальных для себя вопросов. А вспомните «Катюшу». Она была адресована солдату, когда он в хорошем настроении. Горячила кровь воспоминаниями, напоминала о резвых девчонках-хохотушках, что ждут не дожидаясь своих суженых. После такой удалой песни рука пехотинца еще крепче сжимала винтовку.

Корреспондент. Я сейчас вспомнил одну из военных песен Леонида Утесова. Последний куплет ее звучит так:

Но одно сказать могу,
Что в бою жестоком
Эта лирика врагу
Обойдется боком.
Вы, как я понимаю, разделяете мнение Утесова, что лирика может стать оружием.

В. Гаврилов. И каким грозным! Недавно американские военные власти вы проводили из Южного Вьетнама своего земляка, певца Аллена Драйджера. Только потому, что он пел песни народов своего континента. После концертов Аллена бодрые янки впадали в хандру, в ностальгию. А для завоевателей тоска по родине, как говорят медики,

фактор отрицательный, усыпляющий их отвагу и бдительность. И Драйджера скорее всего заменили группой с ее космополитическими шлягерами.

Корреспондент. А если сейчас снова вспомнить «Ковылушку». Кто все же был прав в том споре после школьного концерта — учителя или вы?

В. Гаврилов. И они, и я. Не удивляйтесь, Владимир Ильич учил, что каждый новый день ждет своего лозунга, в чем-то уже отличного от вчерашнего. Песня тоже должна вовремя появиться. Грустную «Землянку» наши солдаты пели в первые годы войны. После победы под Москвой над их биваками царствовала «Катюша».

Корреспондент. Вы хотите сказать, что в силу каких-то конкретных обстоятельств «Ковылушка» воспринималась именно вашим поколением как политическая?

В. Гаврилов. Да. Многие народные песни конечно же, не уступали ей в совершенстве. Но в казачьей песне говорилось о сильном воине, погибшем в неравном бою. А многие мои сверстники в ту пору лишились отцов... Шла война.

Корреспондент. Вы заволакивали звание лауреата на фестивале политической песни. Эта победа, думается, ко многому вас обязывает.

В. Гаврилов. После со-

чинского смотра я действительно почувствовал ответственность за судьбу отечественной политической песни. У нас сейчас немало отличных авторов, создающих гражданские баллады. Но почти нет исполнителей, которые бы, подобно Дину Риду, Адамо и другим зарубежным шансонов, посвятили бы себя именно политической песне. Обычно ведь как делается. Выходит эстрадный вокалист на сцену и исполняет три или четыре самых различных по настроению песни. После «Электрички» может последовать «Хотят ли русские войны». Способен слушатель так быстро переключаться от легкой вши к серьезной? Нет. Вокалисты и сами прекрасно это понимают, но их одурманивает желание блеснуть своей многогранностью.

Я решил создать целостную, минут на сорок, программу политической песни, чтобы она прозвучала на одной напряженной ноте. Начну с революционных маршей, с острых частушек гражданской войны, с гимнов Великой Отечественной. Объединю их с сегодняшними, злободневными песнями протеста американских негров, ньюйоркских ларней, сжигающих свои призывные свидетельства. Думаю, такая программа найдет своих поклонников.

В. НАГАНОВ.

17 апреля Владимир надел на безымянный палец правой руки обручальное кольцо, стал главой семьи. По обычаю, прежде, чем войти в комнату невесты, он должен был заплатить «выкуп». И Владимир запел:

Загорелась во поле
Ковылушка
Неизвестно от чего,
Не от тучи, не от грома,
Не от сильного дождя,
Загорелась во поле
Ковылушка
От казацкого ружья...

Корреспондент. Это ваша любимая песня?

В. Гаврилов. Строчки про «ковылушку» услышал в детстве и я — такое редко со мной случалось — запомнил сразу и мелодию, и слова. Обычно же я брал от песни какую-то одну из двух составляющих. Или насвистывал мелодию, игнорируя рифмованные строчки. Или отчеканивал текст в ритме, отличном от того, какой предложил композитор. Тогда я не отдавал себе отчета, почему расцениваю ту или иную песню. Сейчас понимаю — я интуитивно чувствовал, когда между музыкой и словами существовало противоречие, и посвоему бросал вызов беспомощности авторов. А вот казачья баллада очаровала меня. Начинаю выводить мотив, а из него словно само собой вырастает:

«Загоралась во поле ковылушка...».

То была, возможно, моя первая встреча с песней, из которой действительно «слова не выкинешь».

Корреспондент. У этой песни есть одно, более важное, на мой взгляд, достоинство, присущее истинно народной песне. Она душевна без фальши и трогательна без «слезы». Ее суровая лирика тоже, вероятно, была близка мальчишескому сердцу?

В. Гаврилов. Еще как близка, но вот здесь-то и вышел казус. Обычно эту казачью балладу тянут протяжно. И я, конечно, пел ее на широком, спокойном дыхании. Но, странная вещь, про «ковылушку» особенно пелось, когда нужно было встряхнуться, стиснуть зубы и дать отпор — задирам ли с улицы, задаче ли по арифметике, что никак не шла дальше первого действия. Как мускулы наливаются после зарядки бодрящей упругостью, так и на душе моей после казачьей баллады становилось ясно, прочно как-то. Вот и решил я выступить с «Ковылушкой» на школьном первомайском концерте. Хлопали мне долго. Только потом многие недоумевали — зачем в программу концерта, посвященного политическому торжеству, включили лирическую песню?

А я считал ее политической. Я с гордостью носил красный галстук, самым достойным вкладом в славные дела старших товарищ-коммунистов считал свое «Всегда готов!» — готов к учебе, готов к труду, готов к обороне Родины. Простые

действенной, должна «глаголом жечь сердца людей», ставя перед ними высокую цель. Француз Руже де Лиль написал более 100 гимнов и маршей, посвященных французской революции, но лишь один из них гремел над баррикадами, поднимал в атаку повстанцев, побеждая их страх. То был «Боевой гимн Рейнской армии», известный ныне как «Марсельеза». Этот исторический факт ясно иллюстрирует изложенную выше мысль — не всякая песня, в которой употреблено много